

АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВА

0000-0001-6679-7815

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Российской Академии наук

Отдел русской литературы XVIII века

199034 Санкт-Петербург

наб. Макарова, д. 4

aveselova@inbox.ru

ГРАФОМАНИЯ КАК ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРАКТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВА И МЕМУАРОВ А. Т. БОЛОТОВА)

GRAPHOMANIA AS DAILY PRACTICE (BASED ON ANDREI BOLOTOV'S ARCHIVE AND MEMOIRS)

А. Т. Болотов (1738–1833) был одним из самых плодовитых литераторов XVIII – начала XIX столетия, хотя значительная часть его наследия осталась неопубликованной. В последующей критической и научной литературе оценки его трудов разнятся от восторженных до уничижительных. Но репутация графомана, закрепившаяся за Болотовым, во многом обусловлена разницей восприятия литературного творчества в XVIII и последующих столетиях. На материале мемуаров Болотова, а также на базе ряда архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, в статье анализируется рефлексия Болотова по поводу самого процесса письма и его отношение к собственным произведениям, не только как к плодам творчества, но и как к материальным объектам, во многом характерное для его эпохи и восходящее к более ранней традиции древнерусской книжности.

Ключевые слова: А. Т. Болотов, графомания, письменные практики, тип древнерусского книжника.

Andrei Bolotov (1738–1833) was one of the most prolific writers of the 18th and early 19th centuries, although much of his heritage remained unpublished. In the subsequent critical and scholarly literature the assessments of his works vary from enthusiastic to derogatory. But the reputation of a graphomaniac, one that stuck with Bolotov, is largely due to the difference in the perception of a literary work in the 18th and the subsequent centuries. On basis of Bolotov's memoirs, as well as a number of archival sources, now first made available for scholarly enquiry, the article analyses Bolotov's reflection on the writing process itself and his attitude to his own works, not

only as fruits of his creativity, but also as material objects. Such an attitude is characteristic of his epoch and rooted in the earlier tradition of Old Russian booklore.

Keywords: Andrei Bolotov, graphomania, writing practices, Old-Russian bookman type.

Андрей Тимофеевич Болотов, русский писатель второй половины XVIII века, более всего известный своими обширными мемуарами, по праву может быть назван одним из самых плодовитых авторов XVIII столетия. Даже та часть его рукописного наследия, которая до нас дошла, выглядит довольно внушительно. В различных архивах страны находится сейчас в общей сложности 372 единицы хранения. Большинство из них – это небольшие переплетенные томики в 1/8 формата объемом примерно в 200 листов каждый, то есть всего около 75 тысяч листов. В эти расчеты не включен эпистолярный, так как письма Болотова обычно хранятся в комплектах семейной и дружеской переписки и их не всегда можно вычленишь, и отдельные статьи по экономическим вопросам, рукописи которых или не сохранились или находятся в составе других общих фондов. Не сохранилось также большинство черновиков и бумаг, созданных в последние годы жизни Болотова и написанных крайне неразборчиво. Сам Болотов однажды упомянул, что за свою жизнь (точнее за 81 год, так как эта фраза сказана за 14 лет до смерти) он «измарал [...] несколько десятков стоп» бумаги¹. Учитывая, что это было написано в 1819 г., то есть уже после введения метрической системы, можно предположить, что имеется в виду метрическая стопа, равная тысяче листов, то есть всего несколько десятков тысяч листов.

Помимо обширных мемуаров, которым обычно предшествовали дневники, Болотов написал и опубликовал три больших этико-философских сочинения, объемом до тысячи страниц каждое, сочинил несколько пьес для домашнего театра, две из которых были напечатаны, перевел около 20 романов и исторических сочинений, большей частью опубликованных, написал несколько сотен статей для «Трудов ВЭО», одиннадцать лет издавал журнал, который выходил раз в две недели и в котором не меньше пятой части составляли заметки самого Болотова, писал стихи (до нас дошло 6 рукописных сборников стихов), исторические обзоры разных событий мирового масштаба, например, Французской революции или войны с Наполеоном, составлял дайджесты отечественной и иностранной прессы, вел большую переписку с друзьями, родственниками и корреспондентами его журнала, а также ежедневные метеорологические наблюдения и заметки о состоянии

¹ А. Т. Болотов, *Краткие записки о значительнейших происшествиях со мною в 82 год моей жизни, могущие служить для сочинения истории сего времени и некоторые общие замечания, касающиеся до моей жизни и характера*, 1819, ч. 1. РО РНБ Ф. 89. Ед. хр. 53, л. 64.

своих садов. Следует также заметить, что многие тексты имели черновики или, наоборот, чистовые копии, которые Болотов давал читать друзьям и знакомым или дарил.

Так, в заметке *О том, как я провождал осеннее время 1819 года и особливо октября*² он сообщает, что встает в пять или шесть утра (позже, чем летом) и после гигиенических процедур садится писать: сначала метеорологические наблюдения, потом хозяйственные заметки и записи в приходно-расходной книге, потом новые сведения в исторический журнал, далее в «новой записной книжке» то, что «приходило на память» «как в справочнике», то есть материалы для будущих мемуаров, и далее «что-нибудь еще писал или переписывал» до десяти³. Второй приступ писательской активности длился с трех до пяти–шести часов вечера, в зависимости от длины светового дня. То есть в осенне-зимний период на разного рода письмо отводилось от шести до восьми часов в день. Летом, во время сельскохозяйственных работ, на письмо, конечно, тратилось меньше времени.

Эти сведения подтверждаются наблюдениями за графиком создания мемуаров. Болотов делил свои воспоминания на части, каждая из которых переплеталась в отдельный томик и составляла примерно те же 200 листов в 1/8 формата. Самые первые части не датированы, зато в некоторых указаны даже дни начала и окончания работы. Из всех дошедших до нас рукописных частей точные даты указаны у 17, из них 13 написаны без перерыва. Рекордная 16-я часть написана за 9 дней в декабре 1808 г. В среднем же на одну часть уходило около двух недель, но на практике это скорее были одна или две части в сезон. По датировке частей также видно, что работа носила сезонный характер: преимущественно писательский сезон открывался с октября или с ноября, но самый интенсивный месяц был декабрь.

О своей страсти к писанию, как способу приятного проведения времени, позволяющему избежать праздности и других более пагубных пороков, Болотов неоднократно сообщает в мемуарах и в других автобиографических текстах. В заметке 1819 г. о том, чем он занимался осенью, Болотов сообщает: «Все сие писание никогда меня не отягощало, но паче служило всегда отдохновением после ходьбы куда-нибудь, и охота моя к занятию себя сими трудами продолжается еще и поныне»⁴. Особенно, по словам Болотова, писание помогало ему избежать скуки в дороге, поэтому в поездки

² Там же, л. 57–57 об.

³ Аналогично описывает обычный день Болотова и его внук: М. П. Болотов, *Андрей Тимофеевич Болотов, «Русская старина» 1873, т. VIII, с. 738–753.*

⁴ А. Т. Болотов, *Краткие записки ...*, л. 75.

он всегда брал специально изготовленный дорожный набор: «письменную сбрюю, дорожную чернильницу и пулпет»⁵.

В любви к письму Болотов не был одинок. В мемуарах он рассказывает о своем приятеле и соседе Иване Григорьевиче Полонском:

Книг имел он у себя нарочитое собрание, а что всего удивительнее, то великое множество из них, писанных его рукою. Будучи смолоду великим писакою, любил он как-то в особенности упражняться в писании и не скучивал списывать целые превеликие книги, — и я нашел у него собрание наилучших в тогдашнее время романов, списанных сим образом его рукою и переплетенных порядочно⁶.

В то же время, любовь к письменным занятиям и чтению, особенно в молодости, доставляла Болотову и неприятности. По его свидетельству, распространившаяся о нем слава чернокнижника едва не стала для него препятствием при сватовстве⁷. С насмешками и поддразниванием он стал кивался и во время военной службы, о чем писал своему приятелю, лейтенанту флота Н. Е. Тулубьеву⁸.

Показательно, что Болотов чаще использует слова «писание» или «письмо», как понятие более общее по отношению к сочинительству и объединяющее переписывание, выписывание, перевод, эпистолярный и собственно создание текстов. С годами все чаще сетуя на ухудшение зрения и нехватку времени, ибо отставание мемуаров от реальности все равно составляло более двадцати лет, Болотов тем не менее периодически принимался за дополнения к мемуарам, сожалея, что все ранее написанные им воспоминания были слишком кратки. Такого рода параллельным текстом являются две рукописные книжки 1819 г. под общим заглавием *Краткие записки о значительнейших происшествиях со мною в 82 год моей жизни, могущие служить для сочинения истории сего времени и некоторые общие замечания, касающиеся до моей жизни и характера*⁹. Эта очередная, не первая и не последняя, попытка подвести некоторые итоги жизни Болотова, включает более 60 заметок в каждой части и представляет собой описание его привычек и особенностей (например, о его любви к чтению, нелюбви к крепким

⁵ Там же, л. 75 об.

⁶ А. Т. Болотов, *Жизнь и приключения, описанные самим имя для своих потомков*, Санкт-Петербург 1871–1873. Приложение к журналу «Русская старина», т. 2, с. 605.

⁷ Там же, т. 2, с. 491–492.

⁸ *Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760–1761)*. Публикация А. Ю. Веселовой (подготовка текста, комментарий, вступительная статья), [в:] *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год*, отв. ред. Т. С. Царькова, Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин» 2013, с. 365.

⁹ А. Т. Болотов, *Краткие записки...*, РО РНБ Ф. 89. Ед. хр. 53–54.

напиткам, любви к собакам и нелюбви к охоте и т. д.). Характерно, что в своих мемуарах Болотов обычно сопровождает описание смерти близких ему людей (отца, матери, сестры, дяди) кратким очерком их привычек и свойств характера, и эти мини-некрологи строятся по тому же принципу, что и заметки в сборнике о себе, только являются гораздо более краткими. Раздел *Об охоте моей к писанию и о моих сочинениях, переводах и прочих писаниях*¹⁰ по сути представляет связный перечень всего, что было им когда-то написано, расположенный в хронологическом порядке и распределенный по жизненным этапам. Перечисление начинается с первых книг, которые Болотов в начале 1750-х гг. переписал от руки, не имея возможности приобрести их другим способом. Это роман Фр. Фенелона *Полохождение Телемака*, некоторые жития из *Четых-Миней* и учебник по геометрии и фортификации Абрама Ганнибала¹¹. Далее, в конце 50-х – начале 60-х гг. следует несколько первых опытов переводов: статьи из немецких журналов, книга о хиромантии и три романа¹². Тогда же, то есть в период военной службы в канцелярии русского губернатора Восточной Пруссии Болотов, по его словам: «Начал мало-помалу приучать себя к сочинениям и переписке с друзьями, приятной и занимательной»¹³. Здесь следует рассказ о дружеской переписке с Тулубьевым и о «Памятной книжке», в которую он выписывал полюбившиеся ему цитаты¹⁴. Далее Болотов констатирует период начала сочинительства, прежде всего моральных эссе и философских трудов. Но «первое удовольствие видеть сочинения [...] напечатанными с обозначением моего имени»¹⁵ Болотов получил от публикации статей в «Трудах Вольного экономического общества»¹⁶. Затем, с назначением в середине 1770-х гг. управляющим императорской Богородицкой волости, Болотов получил больше «удобности» к писанию. За двадцать лет богородицкой службы им, по его словам, было «перепачкано [...] великое множество бумаги»¹⁷. В приводимом после этих слов списке подряд

¹⁰ Там же, л. 67 об.–76.

¹¹ *Приемы циркуля и линейки*, РО РНБ ОЛДП Q 365 1753, 161 л.

¹² А. Т. Болотов, *Переводы сочинений различных авторов преимущественно из периодических изданий*. НИОР РГБ Ф. 475. Карт. 6.2; А. Т. Болотов, *Перевод повести Ш. Ж. Ла Мольера «Милорд Станлей, или Добродетельный преступник»*. НИОР РГБ Ф. 475. Карт. 5.4–5.5; А. Т. Болотов, *Перевод повести А. Ф. Прево д'Эжизля «Аглицкой философ, или история господина Клевеланда, побочного сына Кромвелова, им самим описанная»*. НИОР РГБ Ф. 475. Карт. 6.6.

¹³ А. Т. Болотов, *Краткие записки...*, л. 68 об.

¹⁴ См.: А. Т. Болотов, *Памятная книжка или собрание различных нравоучительных правил*. НИОР БАН Ф. 69. Ед. хр. 22; То же. РО РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 55.

¹⁵ А. Т. Болотов, *Краткие записки...*, л. 70.

¹⁶ А. Т. Болотов, *Описание свойства и доброты земель Каширского уезда*, «Труды Императорского Вольного экономического общества» 1766, ч. 2, с. 129–219.

¹⁷ А. Т. Болотов, *Краткие записки...*, л. 70 об.

идут переводы, как романов, так и проповедей, моральных, философских и исторических сочинений, равно напечатанных и опубликованных, начатые и не законченные произведения, пьесы для домашнего театра, «пиитические сочинения», «исторические и политические сочинения», мемуары, садовые заметки, загадки, сборник рецептов из лекарственных трав, выписки из газет, собрания «носившихся в народе печатаных и скорописных сочинений», переписанные мемуары И. В. Лопухина, журнальные статьи: экономические, ботанические, агрономические и т. д., дневники и копии собственных сочинений.

Очевидно, что неразделение простого переписывания, переписывания с элементами переработки, выписывания фрагментов, эпистолярия и сочинительства в разных жанрах и сферах является для Болотова вполне сознательным и обусловлено доминированием общего понятия письма как вида творческой деятельности и формы досуга.

Отчасти это видимо обусловлено тем, что во времена Болотова, особенно в его молодости, сохранялась живая традиция рукописной книги. Как уже было сказано, первые книги он переписал и переплел для того, чтобы иметь их у себя, и впоследствии включал их в свою библиотеку, составлявшую к концу его жизни более четырех тысяч томов, наравне с печатными – некоторые такие сохранившиеся рукописи имеют владельческую надпись «из книг Болотова» с порядковым номером.

Помимо целых книг Болотов переписывал для собственной памяти и для потомков попадавшие ему разрозненные сочинения, авторские и анонимные: стихи, журнальные и газетные заметки, указы, речи и слова светских и духовных лиц, и все прочие тексты, казавшиеся ему достойными внимания. Обычно это сборники, организованные по хронологическому принципу, в которых подряд может идти закон о рекрутах, стихи Державина, анонимный памфлет, слово какого-нибудь архиерея и т. д. На данный момент нам известно примерно 40 таких сборников¹⁸.

Свои собственные сочинения, в том числе не предназначавшиеся для печати, например мемуары или сборники стихов, Болотов всегда оформлял как книги: все они переплетены в картон и иногда кожу и в большинстве снабжены иллюстрациями, закладками-ляссе, оглавлением, пагинацией, колонтитулами, цветным обрезом, тиснением на корешке и прочими атрибутами печатной книги. Они также включались в общий фонд домашней библиотеки и имели в ней свой номер. Более того, многие из таких произведений Болотов дублировал, чтобы давать читать друзьям или родственникам, а иногда даже дарить, о чем известно из более поздних воспоминаний о нем. Об этом,

¹⁸ РО РНБ Ф. 89. Ед. хр. 78–95; НИОР РГБ Ф. 475. Карт 1.7–1.9, 2.1–2.8, 3.1–3.4.

в частности, пишет издателю мемуаров Болотова, М. И. Семевскому, сын одного из соседей, С. Н. Кругликов, в семье которого сохранилось несколько частей болотовских мемуаров (судьба этих томиков нам неизвестна)¹⁹. Известен и другой подобный случай: сборник *Некоторые назидательные чувствования в стихах от женского лица*²⁰ был создан специально по заказу одной соседки, имя которой Болотов, впрочем, в мемуарах не называет. Эта рукописная книжка является переложением его же собственного сборника *Чувствования и вздохи ко Творцу*, в котором грамматический мужской род был последовательно заменен на женский²¹. Другой стихотворный сборник, когда-то подаренный Болотовым внучке, А. П. Воронцовой-Вельяминовой, имеет пять владельческих надписей и хранился в семье до тридцатых годов XX века, переходя по наследству и явно оставаясь карманной книгой, для чего изначально и предназначался²².

Показательно, что даже копии Болотов почти всегда делал сам (и видимо не без удовольствия), чужой почерк в его рукописях встречается крайне редко и свидетельствует о спешке или плохом состоянии зрения. Один такой случай Болотов пересказывает в письме сыну от 12 мая 1801 года: к нему на один день проездом из Петербурга в свою деревню заехал старый приятель И. Т. Балабин, у которого с собой было множество новых стихов, в частности, Державина и других поэтов. Так как времени было мало, а общение с гостем тоже было ценно, Болотов привлек к переписыванию этих стихов дочь и двух грамотных крепостных²³.

Переписывая, Болотов почти не правил текст, и вообще очень мало работал над стилем, часто используя для определения своих сочинений выражение «прямо набело писанное»²⁴. Столь же легкое отношение было у него к переводам. Рассказывая о своей работе над материалами к журналу «Экономический магазин», он пишет, что переводы были для него спасением, если он не успевал заготовить свой материал: «мне стоило только их с немецкого языка по-русски переписывать, и перевод их был для меня легок и нимало не затруднителен»²⁵.

Очевидно, что сам процесс письма имел для Болотова самостоятельную ценность и был во многом ритуализован. В том же сборнике 1819 г. есть отдельная заметка под названием *О том когда, чем и как я обыкновенно писывал*.

¹⁹ С. Н. Кругликов (сосед) о Болотовых. РО ИРЛИ Ф. 537. Ед. хр. 46.

²⁰ А. Т. Болотов, *Некоторые назидательные чувствования в стихах от женского лица*. РО ИРЛИ Ф. 537. Ед. хр. 16.

²¹ А. Т. Болотов, *Чувствования и вздохи ко Творцу*. НИОР БАН Ф. 69. Ед. хр. 17.

²² А. Т. Болотов, *Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских*. РГАЛИ Ф. 1346. Оп. 1. Ед. хр. 56.

²³ *Письма А. Т. Болотова сыну П. А. Болотову*. РО РНБ Ф. 89. Ед. хр. 106. Л. 5 об.–6.

²⁴ А. Т. Болотов, *Жизнь и приключения ...*, т. 1, с. 2.

²⁵ Там же, т. 3, с. 886.

Она начинается с сообщения о том, что начинал он писать «какo [...] все люди пишут», то есть на столе, варимыми «кое-как» чернилами из обычных чернильниц и гусиными перьями²⁶. Но постепенно все эти элементы претерпели серьезные изменения. Так как писать на столе вредно для здоровья, ибо живот согнут «не в натуральном» положении²⁷, то он сначала подкладывал книги и настольные календари, чтобы писать «на косом положении», а потом изобрел специальный «пулпет» (т. е. пюпитр), оклеенный сукном и со множеством ящичков для всей «письменной сбруи», включающей: мелкие записные тетрадки, сургуч, печати, перочинные ножички, треугольник, карандаши, ножницы, клей, циркуль, лупу, гребень и т. д. Гусиные перья он заменил на индейчи, а также, после ряда экспериментов с разными видами чернил (упоминаются из свечной копоти, черемуховые, яблоньковые, крушинные, сандаловые), вывел идеальный рецепт чернил из 7 составляющих (12 золотников толченых чернильных орешков, 8 сапожного купороса, 4 камеди, 1 квасцов, 1 золотник сала, 4 стакана воды, полстакана вина и полстакана уксусу). Изменения претерпевала и чернильница, в результате наилучшим вариантом были признаны маленькие отлитые стеклянные пузырьки, поставленные в «обычную» чернильницу, так как в этом случае пальцы «никогда не бывали замазаны»²⁸. Болотов подробно пишет о том, где у него что располагается на пулпете, как он использует вместо песка для промокания чернил чайную или газетную бумагу (лучше всего от гамбургских газет), чем стирает ошибки, какую предпочитает бумагу (синяя вредна для глаз, рыхлую можно смачивать разведенными квасцами для плотности), как разрезает листы и сшивает тетрадки и наконец, упоминает о том, что для разметки листа он использует такой древний, но видимо вполне актуальный для него предмет, как тераксу (то есть рамку с натянутыми через равные промежутки нитями, на которые накладывается лист и прижимается)²⁹. «Натераксанные», по его выражению, листы действительно часто встречаются в рукописях Болотова.

В то же время, Болотов, начиная с конца 1760-х годов довольно много печатался, был хорошо знаком с издательским делом и имел в этой среде свои связи. Он начал публиковаться как «экономический писатель» (и до конца жизни утверждал, что именно это позволило ему стать по-настоящему «полезным для своего отчества»³⁰), потом стал печатать отдельные книги, из которых первой была *Детская философия*³¹ – о ее издании Болотов

²⁶ А. Т. Болотов, *Краткие записки...*, л. 76 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, л. 82 об.

³⁰ А. Т. Болотов, *Жизнь и приключения...*, т. 4, с. 586.

³¹ А. Т. Болотов, *Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ея детьми...*, ч. 1–2, Москва: Типография Московского университета 1776.

замечает, что именно в этот момент он «имел [...] удовольствие [...] соде- латься писателем российским...»³². В сотрудничестве с Н. И. Новиковым он издал несколько своих больших философских сочинений³³, две пьесы³⁴, по его заказу много переводил, и большинство этих переводов были опу- бликованы, более десяти лет издавал экономический журнал³⁵.

По всей видимости, Болотов был одним из первых авторов, работав- ших строго на гонорарной основе, причем гонорары его были немалыми. Новиков платил ему за издание журнала 500 рублей в год – сумму, почти равную годовому жалованью Болотова в должности управляющего импера- торской волости³⁶. Более того, описывая свои разговоры с Новиковым о ма- сонстве, Болотов пишет, что не хотел вступать в ложу Новикова еще и пото- му, что в таком случае Новиков, приобретя в его лице «дарового работника и всем своим хотениям и повелениям безотговорочного исполнителя»³⁷, перестал бы ему платить за переводы, полагая их братской обязанностью. Впоследствии Болотов был крайне недоволен сотрудничеством с новым арендатором университетской типографии, К. Ридигером, который вместо гонораров предлагал только авторские экземпляры³⁸.

Все эти обстоятельства позволили авторам книги 1929 г. *Словесность и коммерция* назвать Болотова «одним из первых профессиональных писа- телей второй половины XVIII века»³⁹. В данном определении есть некото- рое преувеличение, которое становится особенно явным, если учесть отно- шение Болотова к собственному авторству. Подробно и часто с гордостью рассказывая во всех своих биографических текстах о том, что он написал и перевел, Болотов никогда не раскрывал своего имени при публикации, за исключением статей для Вольного экономического общества, где это было обязательным условием. Обычно он ставил инициалы А. Б., а за десять лет издания журнала раскрыл себя только в последнем номере,

³² А. Т. Болотов, *Краткие записки...*, л. 70 об.

³³ А. Т. Болотов, *Чувствования христианина при начале и конце каждого дня в не- деле, относящиеся к самому себе и к Богу*, Москва: Типография Московского универси- тета 1781; А. Т. Болотов, *Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных, отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению онаго*, ч. 1–3, Москва: Типография Московского уни- верситета 1784.

³⁴ А. Т. Болотов, *Несчастные сироты, драма в трех действиях*, Москва: Типография Московского университета 1781.

³⁵ *Экономический Магазин, или Собрание всяческих экономических известий, опытов, открытий, замечаний, наставлений, записок, советов...*, ч. 1–40, с. 1780–1789.

³⁶ А. Т. Болотов, *Жизнь и приключения...*, т. 3, с. 1015.

³⁷ Там же, с. 932–933.

³⁸ Там же, т. 4, с. 1208.

³⁹ Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин, *Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина*, Москва: «Аграф» 2001, с. 66.

окончательно решив прекратить это предприятие. И хотя сам Болотов при переводах и переработке чужих текстов обычно ссылался на первоисточник, он очевидно не видел ничего зазорного в том, чтобы переписать чужое сочинение, улучшив его. Так, в критических заметках о романах он несколько раз утверждает, что тот же самый роман можно было бы написать иным и лучшим образом, как, например, слишком короткий роман Л. де Бомон *Бедный философ*: «сию книжку, – полагает Болотов, – можно почесть также единым только скицом или начертанием для большого романа, нежели самым романом, и восхотевшему испытать сил своих в писании романа можно с удобностию положить и его в основание своей повести»⁴⁰.

Современные исследователи иногда именуют Болотова графоманом. Стоить признать, что в данном случае речь может идти в первую очередь о графомании в прямом смысле слова, то есть о страсти к писанию как процессу. В то же время, целый ряд названных выше черт, характерных для болотовского отношения к письму, отличает специфику средневековой литературы. В частности, автор предисловия к *Словарю книжников и книжности Древней Руси* Д. М. Буланин указывает на анонимность многих произведений, отсутствие четкой границы между автором, компилятором и переписчиком, ассимиляцию переводов, стремление произведений к циклизации, подчинение литературного труда ритуалу, его сакрализацию⁴¹.

Таким образом, в случае Болотова, мы наблюдаем очень интересный случай своего рода переходного периода от писательства старого, почти средневекового типа, к профессиональному автору нового времени. Активно публикуясь, получая заказы и гонорары, Болотов, тем не менее, высоко ценит сам процесс писательства, который носит для него во многом ритуальный характер и даже по-своему сакрализуется: в его собственной этической системе, изложенной в *Путеводителе к истинному человеческому счастью*, любое занятие, приносящее человеку удовольствие и не наносящее ему и окружающим вреда, является богоугодным⁴². Фигура автора при этом играет второстепенную роль, а виды писательской деятельности: переписывание, переработка, сочинительство слишком близки и на определенном уровне их различие не существенно.

Для самого Болотова в таком отношении к писательскому труду не было ничего архаичного. В рассмотренной выше заметке 1819 года он писал:

⁴⁰ А. Т. Болотов, *Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков*. РО ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 14. Л. 161 об. – 162.

⁴¹ Д. М. Буланин, *Предисловие*, [в:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XV – первая половина XIV в.)*, отв. ред. Д. С. Лихачев, Ленинград: «Дмитрий Буланин» 1987, с. 6.

⁴² А. Т. Болотов, *Путеводитель к истинному человеческому счастью...*

«[...] желал бы [я], чтобы и потомки мои не пренебрегали сего упражнения, могущего служить и обращаться им также в существенную для них пользу»⁴³. И это обстоятельство следует учитывать при оценке литературного процесса второй половины XVIII столетия и роли в нем отдельных авторов.

Список сокращений

- НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург)
 НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Санкт-Петербург)
 РО РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

References

- Bolotov, Andrei T. *Chuvstvovaniya khristianina pri nachale i kontse kazhdogo dnya v nedele, otnosyashiesya k samomu sebe i k Bogu*. Moskva: Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1781.
 Bolotov, Andrei T. *Detskaya filosofiya, ili Nravouchitelnye razgovory mezhdu odnoyu gospozhoi i eya detmi*. Part 1–2. Moskva: Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1776.
 Bolotov, Andrei T. *Dyuzhina soten vzdokhov, chuvstvovanii i myslei khristianskikh*. RGALI F. 1346. Op. 1. Ed. khr. 56.
 Bolotov, Andrei T. *Kratkie zapiski o znachitelneishikh proisshestviyakh so mnoyu v 82 god moei zhizni, mogushchie sluzhit dlya sochineniya istorii sego vremeni i nekotorye obshchie zamechaniya, kasayushchiesya do moei zhizni i kharaktera*, 1819, part 1. RO RNB F. 89. Ed. khr. 53.
 Bolotov, Andrei T. *Mysli i bespristrastnye suzhdeniya o romanakh kak originalnykh rossiiskikh, tak i perevedennykh s inostrannykh yazykov*. RO IRLI. F. 537. Ed. khr. 14.
 Bolotov, Andrei T. *Nekotorye nazidatelnye chuvstvovaniya v stikhakh ot zhenskogo litsa*. RO IRLI F. 537. Ed. khr. 16.
 Bolotov, Andrei T. *Neschastnye siroty, drama v trekh deistviyakh*. Moskva: Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1781.
 Bolotov, Andrei T. “Opisanie svoistva i dobroty zemel Kashirskogo uезда”. *Trudy Imperatorskogo Volnogo ekonomicheskogo obshchestva*, No. 2 (1766): 129–219.
 Bolotov, Andrei T. *Pamyatnaya knizhka ili sobranie razlichnykh nravouchitelnykh pravil*. NIOR BAN F. 69. Ed. khr. 22.
 Bolotov, Andrei T. *Perevod povesti A. F. Prevost d’Ekzilya “Aglitskoi filosof, ili istoriya gospodina Klevelanda, pobochnogo syna Kromvelova, im samim opisannaya”*. NIOR RGB. F. 475. Kart. 6.6.
 Bolotov, Andrei T. *Perevod povesti Sh. Zh. La Molera “Milord Stanlei, ili Dobrodetelnyi prestupnik”*. NIOR RGB. F. 475. Kart. 5.4–5.5.
 Bolotov, Andrei T. *Perevody sochinenii razlichnykh avtorov preimushchestvenno iz periodicheskikh izdaniy*. NIOR RGB. F. 475. Kart. 6.4.

⁴³ А. Т. Болотов, *Краткие записки...*, л. 76.

- Bolotov, Andrei T. *Putevoditel k istinnomu chelovecheskomu schastiyu, ili Opyt nravouchitelnykh i otchasti filosoficheskikh rassuzhdenii o blagopoluchii chelovecheskoi zhizni i sredstvakh k priobreteniyu onogo*. Part 1–3. Moskva: Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1784.
- Bolotov, Andrei T. *Zhizn i priklyucheniya, opisannye samim im dlya svoikh potomkov*. Part 1–4. Sankt-Peterburg: Prilozhenie k zhurnalu *Russkaya starina*, 1871–1873.
- Bolotov, Mikhail P. “Andrei Timofeevich Bolotov”. *Russkaya starina*, No VIII (1873): 738–753.
- Bulanin, Dmitrii M. *Predislovie*. In: *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, ed. D. S. Likhachev. Leningrad: Nauka, 1987: 3–15.
- Ekonomicheskii Magazin, ili Sobranie vsyacheskikh ekonomicheskikh izvestii, opytov, otkrytii, zamechaniy, nastavlenii, zapisok, sovetov...* Part 1–40: 1780–1789.
- Grits, Teodor S., Nikitin, Mikhail V., Trenin, Vladimir V. *Slovesnost i kommersiya. Knizhnaya lavka A. F. Smirdina*. Moskva: Agraf, 2001.
- Pisma A. T. Bolotova k N. E. Tulubevu (1760–1761)*, ed. A. Yu. Veselova. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2012 god*, ed. T. S. Tsarkova. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2013: 293–396.